

Глава 12

Оба заклинателя стояли на противоположных концах Платформы Нефритового Дракона. Оба были в головных уборах с вуалями — один в белоснежном одеянии, другой в лазурном. Подобно двум началам Тайцзи, они воплощали собой абсолютную симметрию.

По одну сторону застыли ученики секты Уцзи, по другую — Цин Чаньюй и Ши Циньянь.

Настоящее мгновение в точности повторяло прошлое.

Заклинатель в белом горизонтально выставил перед собой меч и произнёс лишь одно слово:

— Нападай.

Цин Чаньюй склонил голову набок, и длинная лазурная вуаль качнулась вслед за движением.

— Я?

— Лишь ты достоин.

Снова поединок. Снова на Платформе Нефритового Дракона.

Но атмосфера неуловимо изменилась.

Персиковое дерево у края арены, повинуясь всплеску духовной энергии, затрепетало, осыпая лепестки. Одна из веток с хрустом отломилась и, пролетев по воздуху, легла точно в руку Цин Чаньюя.

Длина была идеальной для меча.

Лазурный заклинатель взвесил ветвь в руке и небрежно взмахнул ею — воздух отозвался отчётливым свистом.

Что ж, персиковое дерево подле платформы всё так же охотно шло на подношения.

Раз уж противник так настаивает, придётся отнестись к делу серьёзно.

Заметив в глазах Цин Чаньюя редкий проблеск интереса, 001 спросила:

[Ты узнал его?]

— Кого? — отозвался тот.

[Своего старого знакомого. Правда не узнал?]

Цин Чанъюю было лень слушать загадки Системы, и он бросил небрежно:

— А, так вот почему. Я-то думаю, откуда у него такое понимание моего стиля.

001 издала серию булькающих звуков, словно пузырьки в кипящей воде. Его ответ, казалось, доставил ей огромное удовольствие.

«Не узнал — значит, этот человек для Чанъюя совершенно не важен. Это хорошо! Лучше и быть не может!»

Цин Чанъюй, подражая своему визави, тоже выставил перед собой импровизированный клинок. Лазурная вуаль, розовые лепестки, а из-под широкого рукава виднелась полоска бледной кожи — зрелище было весьма изящным.

Лёгкий ветерок коснулся их одеяний, и по ткани пробежала рябь, словно круги по воде под хмурым небом.

Гроза вот-вот должна была разразиться.

Ученики секты Хэхуань, прежде с энтузиазмом швырявшие на помост всякую всячину, на этот раз вели себя смирно. Вместо этого они прильнули к стоявшим рядом мечникам, умоляя о разъяснениях.

Адепты меча, наконец получив возможность блеснуть знаниями, уже через несколько мгновений узнали стиль обоих бойцов и возбуждённо захлопали в ладоши:

— Это же «Записи о мече князя Мина»!

— Оба мастера используют одну и тот же технику, они идут вровень!

Стоявший рядом ученик из секты Хэхуань спросил:

— Так можно определить, из какой он школы?

Мечник почесал в затылке и смущённо ответил:

— Этот трактат — основа для любого заклинателя. Многие секты используют первые тома для обучения новичков. Так что сказать, из какой он школы, решительно невозможно.

«Записи о мече князя Мина» были составлены одним из бывших глав секты Тайцин. Он собрал воедино техники трёх учений и восемнадцати школ, изложив их в восемнадцати свитках. Этот стиль получил широкое распространение благодаря своей целостной логике, ясным принципам и универсальности приёмов. Но это вовсе не означало, что он был простым.

Наглядным доказательством тому служили два мастера на возвышении.

Ученики, ежедневно практиковавшие этот стиль, были ошеломлены. Они использовали те же самые приёмы, но разве этот смертоносный танец был тем же самым, что и их утренние упражнения?

Один из бойцов использовал обычный ученический меч, другой — подобранную ветвь. Судя по оружию, это был лишь дружеский спарринг.

Но судя по движениям — стремительные атаки, молниеносные блоки, яростным выпадам — это был поединок не на жизнь, а на смерть. Воздух звенел от рассекающих его ударов.

Малейшая ошибка — и конец.

С точки зрения зрителя, зрелище было захватывающим.

Две фигуры, лазурная и белая, носились по арене, сталкиваясь и расходясь, словно две рыбы или две духовные жемчужины. Универсальность «Записей о мече князя Мина» превращала их схватку в эталонное противостояние.

Белый нанёс удар. Лазурный откинулся назад, удерживая равновесие лишь силой ног, и замер на мгновение, подобно склонившейся ветке магнолии. Затем, оперевшись остриём ветви о камни, он оттолкнулся и взмыл вверх, нанося удар ногой. Белому пришлось выставить меч, чтобы заблокировать его.

Лепестки срывались с персиковой ветви, опадая после каждого столкновения, а затем взмывали вверх, подхваченные потоками духовной энергии, и кружили в воздухе, словно метель.

Цин Чаньюй не ожидал, что кто-то может двигаться так же, как он. Жажда битвы в его крови пробуждалась с новой силой. Глаза его горели, словно у хищника, отслеживающего добычу — прекрасного и смертельно опасного.

Чтобы поединки не затягивались, на Платформе Нефритового Дракона было установлено ограничение: не более трёх палочек благовоний.

Когда последняя палочка почти догорела, зрители напряглись, боясь моргнуть.

Дзинь!

Бомм!

Звон металла и удар гонга, возвестивший об окончании боя, прозвучали одновременно.

И Ванчэнь опустил взгляд на прядь тёмных волос в своей руке.

Белая вуаль перед ним была рассечена, открывая половину холодного, бледного лица. Тонкие губы с опущенными уголками придавали ему отстранённое и безразличное выражение.

Остриё персиковой ветви замерло в цуне от его шеи.

Ещё мгновение — и пролилась бы кровь.

Цин Чаньюй сдул с ветки последний уцелевший лепесток и, игриво наклонившись, заглянул под остатки вуали противника.

И хотя сам он был скрыт плотной тканью, он всё равно произнёс с притворной томностью:

— Ах, какой же вы красавец, молодой господин!

И добавил:

— Приятно было касаться моих волос?

Прядь выскользнула из пальцев И Ванчэня и рассыпалась по камням.

Заклинатель в белом слегка приподнял подбородок и, глядя на Цин Чаньюя сверху вниз, произнёс голосом, холодным как лёд:

— Таким, как ты, правила и впрямь неведомы.

Его голос также был изменён, лишён каких-либо индивидуальных черт.

Цин Чанъюй под вуалью скривился.

«Таким, как я? Что со мной не так?»

Какой же этот человек скучный и занудный. А он-то думал, что у них схожий вкус.

[Он просто сходит с ума, Чанъюй, не обращай внимания]

Цин Чанъюй помахал перед лицом противника обрывком белой ткани.

— Секта Уцзи — великая школа, и слово её крепче золота. Будьте добры, выдайте мне Ци Чанфэна и его наставника, Заклинателя Линъюня.

Взгляд И Ванчэня холодно скользнул по белой вуали в его руке. Он смотрел на него так, словно тот был бесстыдником, размахивающим чужим нижним бельём.

— Что ты собираешься с ними делать? — спросил он ледяным тоном.

Услышав это, Ши Цинъюнь шагнул вперёд. Его тело было покрыто ранами, но он, сохраняя приличия, сложил руки:

— Почтенный И, Линъюнь и его ученик Ци Чанфэн уничтожили всю мою семью, вырвали моё Золотое Ядро и разрушили меридианы. Эта вражда непримирима. Прошу вас, свершите правосудие, чтобы души восьмидесяти членов моей семьи обрели покой!

Взгляд И Ванчэня, по-прежнему бесстрастный, скользнул по юноше, тяжёлый, словно свинец, а затем снова остановился на Цин Чанъюе.

Он смотрел молча, пронзительно, пытаясь проникнуть в самую душу.

«...Система, он что, завис?»

Лишь когда Цин Чанъюй начал подозревать, что у этого воплощения возникли проблемы со связью, тот отвёл взгляд и повернулся к Ци Чанфэну и Старейшине Линъюню.

Ци Чанфэн был уже мёртв, его тело остыло.

Меридианы Старейшины Линъюня были разорваны. Увидев приближающегося Бессмертного Владыку, он почувствовал недоброе и, преодолевая боль, пополз назад.

— Почтенный господин, я ведь... — пролепетал он.

Почтенный в белом протянул руку, и Линьинь, словно притянутый невидимой силой, подлетел к нему и рухнул на колени.

Ладонь И Ванчэня легла ему на темя, не давая вырваться.

— А-а-а-а!

Лицо Линьиня исказилось от невыносимой боли, и из его горла вырвался крик.

Цин Чаньюй прищурился и сказал Ши Цинъяню:

— Он использует Искусство поиска души.

Ши Цинъянь широко раскрыл глаза. Он был рад видеть мучения врага, но не мог поверить, что кто-то применит столь жестокую технику к члену своей же секты.

Искусство поиска души позволяло насильно вскрыть море сознания и прочесть воспоминания. Это наносило непоправимый вред, а в худшем случае — полностью лишало разума.

Этот человек использовал поиск души, чтобы узнать правду.

Это не только доказывало его невероятную мощь, но и означало, что он заставит Линьиня предстать перед всеми нагим в своих злодеяниях, умереть без капли достоинства, не выказывая ни малейшего сострадания к соратнику.

Этот И Ванчэнь, как и гласили слухи, не терпел ни соринки в глазу.

Мысли Цин Чаньюя блуждали. Он вспомнил слова Суй Цзяньюя о том, что этот человек особенно его ненавидит... Кажется, он только что снова его разозлил? Хорошо, что лицо было скрыто.

С такими прямолинейными, бескомпромиссными заклинателями старой закалки иметь дело было труднее всего!

Зрители не смели издать ни звука. Сегодняшнее зрелище было слишком насыщенным.

Спустя мгновение Линьинь уже не мог кричать. Его дыхание стало прерывистым, тело покрылось холодным потом. Он испытал одну из самых мучительных пыток.

Почтенный в белом отвернулся от его жалкого вида, достал из рукава шёлковый платок, медленно протёр ладонь и пальцы, а затем бросил его на землю.

Серебристый платок с узором белой сливы, коснувшись камня, тут же превратился в лужицу чистой воды.

А за его спиной Заклинатель Линъинь внезапно выгнулся дугой в предсмертной агонии. Его тело начало плавиться, начиная с макушки, и вместе с костями превратилось в лужу крови.

Над ней на мгновение показался и тут же рассеялся сгусток демонической энергии.

Почтенный в белом исчез с платформы. С небес раздался его властный голос:

— Заклинатель Линъинь состоял в сговоре с демонами и истребил восемьдесят членов семьи Ши. Сегодня приговор был приведён в исполнение.

Люди из Девятирусной Башни тут же записали это и отправили срочное донесение.

Внизу поднялся шум.

— Демоническая энергия! Заклинатель Линъинь был в сговоре с демонами!

— Так и знал, что в гибели семьи Ши замешан демонический культ!

— Я говорю, всех демонов надо убить!

Среди этого гула голосов Цин Чаньюй едва заметно нахмурился.

Он взглянул на Ши Цинъяня. В глазах юноши не было радости отмщения. Вместо этого в них разгорались ещё большая обида и ненависть.

Словно Небесное Дао дразнило его, говоря: «Этого мало. Твоей силы слишком мало. Становись сильнее, иначе ты навсегда останешься слабым трусом!»

Цин Чаньюй всё прекрасно понимал.

«Они что, за осла его держат?»

В то же время раздался сигнал Системы:

[Задание 2: Тайна гибели семьи (прогресс 50%)]

[Побочное задание: Турнир на Платформе Нефритового Дракона (выполнено). Очки репутации Дитя удачи +2500]

[Задание 3: Непримируемость праведности и зла (активировано)]

И Ванчэнь расправился с убийцей слишком быстро. Он вынес приговор, но как именно Заклинатель Линъянь и его ученик смогли уничтожить восемьдесят членов клана, осталось неизвестным.

И почему они это сделали — тоже.

Очевидно, Ши Цинъянь не был удовлетворён.

Цин Чанъюй мысленно обратился к нему:

«Цинъянь».

Юноша вздрогнул, словно его вырвали из кошмара, и его ясные глаза обратились к Цин Чанъюю.

— Забери тело Ци Чанфэна в своё хранилище и набери флакон крови Линъяня.

Живые мертвы, но остались мёртвые.

Цин Чанъюй нахмурился.

Что бы за этим ни стояло, он допросит их лично.

Тело Ци Чанфэна никто не забирал, и все молчаливо признавали право Ши Цинъяня надругаться над ним, так что получить его не составило труда.

Некоторые даже подходили утешить юношу, но после долгой речи о сочувствии неизменно спрашивали, не свободен ли его спутник, и, наткнувшись на мрачный взгляд Ши Цинъяня, поспешно ретировались.

Ши Цинъянь склонился, чтобы подобрать отсечённую прядь волос Цин Чанъюя, но на камнях была лишь лужица крови. Ни единого волоска.

Странно.

***

Чашка с чаем давно остыла. И Ванчэнь смотрел на прядь волос в своей руке.

В ней была знакомая духовная энергия, но это не мог быть он.

Цин Чаньюй мёртв.

Его кровь пропитала землю горы Цзюман, окрасив её в цвет алых облаков. Его тело было рассечено, он умер жалкой смертью.

И Ванчэнь лично принёс его голову, позволив крови остыть в своих ладонях. Он прижался лбом ко лбу Цин Чаньюя, чтобы убедиться, что тот никогда не вернётся.

Но его тень продолжала витать в этом мире.

Люди постоянно вспоминали о нём, и со временем их тон сменился на сожаление. Его техники были записаны и распространены, и новые поколения учеников изучали его путь меча, путь пилюль, путь талисманов...

Сегодняшний незнакомец владел мечом точь-в-точь как он. Наверняка один из его многочисленных последователей.

«Старший брат... ты и впрямь... не даёшь о себе забыть».

<http://bllate.org/book/16005/1570328>